

Даже небо плакало.

Какаши поднял лицо к темному, пасмурному небу, позволяя каплям дождя осыпать открытую кожу над маской. Он все еще не привык к полному зрению обоими глазами, хотя и не мог отрицать, что это было приятно, хотя и немного тревожно, не полагаться больше на Шаринган Обито.

Обито.

Его товарищ по команде был жив после стольких лет... а он и не подозревал об этом. Какаши закрыл глаза. Но он должен был знать. Должен был быть рядом с ним. Вместо этого его друг был оставлен в одиночестве, чтобы медленно поддаваться ненависти Мадары, пока не стал почти неузнаваем. В конце концов, Обито вспомнил, кем он когда-то был. Но теперь он был мертв. В итоге... Какаши снова подвел Обито.

Какаши открыл глаза и с не приметного места в глубине зала стал наблюдать за остальными шиноби, собравшимися на массовые похороны. В конце концов, они победили. Но сейчас, когда в воздухе висела скорбь о стольких потерянных жизнях, это едва ли было похоже на победу.

"Хатаке."

Какаши повернулся, чтобы поприветствовать жабьего мудреца, когда беловолосый мужчина, тяжело опираясь на трость, зашагал в его сторону. "Привет, Джирайя-сан. Как вы себя чувствуете?"

"Могло быть и хуже". Джирайя пожал своими большими плечами, как будто это не имело значения. Но его челюсть говорила об обратном. "Я сожалею лишь о том, что не смог сражаться вместе с союзными войсками. Я человек действия, вы знаете".

"Хай." Какаши старательно сохранял нейтральный тон. Джирайя не оценил бы сочувствия за то, что, по его мнению, он всего лишь выполнял свой долг. Какаши с сожалением посмотрел на свою левую культю - результат его выбора, и только его. "Я понимаю. Быть не таким сильным, как раньше... обидно. Но в то же время я не жалею о своем выборе, который привел меня сюда".

Джирайя хмыкнул. "И какой же выбор ты собираешься сделать сейчас, Хатаке?"

Какаши посмотрел на своего начальника. Была ли это настоящая причина, по которой Джирайя искал его? "Что ты имеешь в виду?"

"Я имею в виду ее". Джирайя кивнул на поле шиноби.

Какаши проследил его взгляд до Цунаде, которая шла впереди собравшихся шиноби. На ней

было черное кимоно, но поверх него - длинное бело-красное хаори, которого он никогда раньше не видел, с кандзи "Годайме" на спине. И впервые с момента своего вступления она надела шапку хокаге. Все это было знаком уважения к тем, кто погиб за то, что представлял собой Хокаге. Он болезненно сглотнул. "Я не уверен, что понимаю вас, Джирайя-сан".

"Война закончилась, Хатаке. Война, в которой ты сражался и помог победить". Джирайя стоял перед ним, такой серьезный, каким Какаши его еще не видел. "Старейшины согласились помиловать Сасукэ Учиху".

Какаши замер. Помиловать...? "Ты уверен?"

"Хай."

Какаши наблюдал, как Цунаде расположилась перед памятным камнем и посмотрела в лицо скорбящему шиноби. Её позвоночник был прямым, а лицо безмятежным, но он знал, что она чувствует потерю так же сильно, как и все остальные. Он сжал пальцы в кулак. И он не мог быть рядом с ней.

Джирайя наклонился ближе и прошептал: "Так что же ты собираешься делать, Хатаке?".

Цунаде начала свою речь, а Джирайя захромал прочь, оставив Какаши одного. Он пристроился в глубине толпы, чтобы ускользнуть, как только закончится панихида, но теперь...

Цунаде встретила с ним взглядом. Каким-то образом, даже среди сотен собравшихся шиноби, она нашла его. Ее слова не расходились с делом, но в этом кратком взгляде мелькнуло сокрушительное бремя скорби и напряжение, связанное с необходимостью держать всех вместе, в ее затененных глазах. Она ненадолго закрыла их и перевела взгляд на толпу.

Она думала, что он покидает ее. Опять.

Грудь Какаши свело судорогой. И он вспомнил, что среди сотен реинкарнированных шиноби, Дан Като был одним из них. Как же больно было снова увидеть его, а потом смотреть, как он уходит. И теперь она думала, что Какаши тоже уходит.

Нет. Какаши принял решение. У Цунаде было достаточно того, что у нее отняли. Война закончилась, и старейшины больше не имели над ним никакой власти. Он сделает все возможное, чтобы добиться ее помилования. И вот, как только Цунаде закончила свою речь, он исчез под дождем.

Не зная, что когда она снова искала его, его уже не было. И знакомая тяжесть поселилась в ее сердце.

Как старейшина Конохи, обширный дом Кохару был хорош. Гораздо лучше, чем то, что когда-

либо было у Какаши. Он прислонился к стене, рядом с гобеленом, который, вероятно, стоил больше, чем год аренды. В доме было темно, если не считать единственной лампы в углу, свет которой мерцал на красных и золотых нитях гобелена.

Какаши не пришлось долго ждать, пока дверь со скрипом отворилась, и Кохару со вздохом облегчения вошла в дом, скинув свои грязные сандалии. Он не пытался скрыть своего присутствия, и она напряглась. "Ворваться в дом старейшины - не лучший образ для тебя, Какаши Хатаке".

Какаши не двинулся с места. Он просто наблюдал за движениями старейшины сквозь полуприкрытые веки. "Ты помиловал Сасукэ Учиху".

Кохару хмыкнула. Но она лишь прошла мимо Какаши на кухню. "Я приготовлю чай".

Какаши подождал, пока Кохару вернется с чайником и двумя чашками на подносе, и сел на диван напротив нее. Он принял чашку, которую она протянула ему, и вдохнул ароматный пар. "Маа, спасибо".

Кохару налила себе чашку, но вместо того, чтобы пить, она снова устроилась на диване и уставилась на него. "И ты думаешь, что заслуживаешь такого же помилования?"

"Хай. Я заслуживаю." Какаши выдержал ее взгляд, сделав глоток чая. Его глаза расширились. Кем бы ни была Кохару, чай она готовила превосходный.

"Я согласна." Кохару наконец-то поднесла чай к губам.

Какаши почувствовал, что сейчас прозвучит "но", но Кохару просто продолжала спокойно потягивать чай. Тогда он улыбнулся и поставил свою чашку на стол. "Я рад, что мы смогли прийти к соглашению. Я пойду..."

"Но", - перебила Кохару, как он и знал, - "твоя ситуация не такая, как у Учихи".

Какаши медленно откинулся назад. "Как это?"

"Для меня очевидно, что твои чувства к Годайме... скажем так, более чем платонические. Чувства, которые она явно возвращает". Кохару отставила чашку. "Так скажи мне, Какаши Хатаке. Должен ли ты вернуться?"

Какаши сузил глаза. Он знал, о чем говорит Кохару. Коноха только что пережила войну, и Цунаде нужна была ей в лучшем виде. Все ее внимание, время и преданность. Кохару считала, что его присутствие может помешать. Но она была лишь сторонним наблюдателем. Она не знала, как наличие рядом человека, который любит и понимает тебя, делает тебя сильнее и решительнее. "Маа, ты смотришь на это только с одной стороны. Но я думаю, что есть только

один вопрос, который имеет значение".

Кохару поджала губы, как будто обиделась. Но она лишь спросила "Какой вопрос?".

Какаши наклонился вперед, опираясь локтем на колено. "Доверяешь ли ты Цунаде и мне, что мы будем действовать в интересах Конохи, независимо от обстоятельств? В конце концов, это наша работа. Если нет, то, возможно, вам нужен новый хокаге".

Кохару закрыла глаза, но он не пропустил гнев, вспыхнувший в них. "Вы высказали свою точку зрения". Она открыла глаза, выражение лица снова стало безмятежным. "Но я еще не сказала тебе, почему мы согласились на помилование Сасукэ Учихи".

Пальцы Какаши дрогнули. Он должен был знать, что у Кохару есть последняя ловушка. "Тогда, пожалуйста, расскажи мне".

Кохару улыбнулась. "Оно было дано при одном условии: он должен выполнить последнюю миссию в качестве шиноби, не связанного с Конохой".

Значит, тема миссии должна быть такой, на которую Коноха не может - или не хочет - согласиться. Напряжение сжало его мышцы, как свернутую пружину, и Какаши резко рассмеялся. "Правильно ли я понимаю, что те же условия применимы и к моему помилованию?"

В ответ Кохару протянула небольшой свиток. Какаши взял его, просматривая содержимое: "Эта война была разрушительной для Конохи. Думаю, вы знаете, что мы бы не победили, если бы не джинчурики, Наруто Узумаки. Но победа досталась дорогой ценой, и мы сделаем все, чтобы предотвратить новую войну".

Мы? Или только Кохару? Какаши развернул свиток дальше, и тошнотворное чувство кольнуло его желудок. Это было все то же самое. Список имен. Большинство из них он не узнал. "Что это за список?"

"Те, кто помогал или поддерживал Акацуки на протяжении многих лет". Кохару сцепила пальцы и продолжила: "Твои цели. Вы были одним из лучших членов Анбу, не так ли? Я ожидаю, что вы пройдете по этому списку и быстро и тихо разберетесь с ними. Мы не можем позволить себе никаких неувязок".

Какаши оцепенело смотрел на список. Скольких из них заставили или просто обманом заставили помочь Акацуки? Он должен был хладнокровно убить их всех, несмотря ни на что? Он поднял глаза на Кохару, которая спокойно встретила его взгляд. По его телу пробежали мурашки. Этот список был тем, что сделал бы Данзо. Но теперь ему стало интересно... сколько в прошлом было Данзо, а сколько Кохару? Свиток захрустел под его рукой. "Ты знал, что я приду к тебе".

"Конечно, знал. Ты и Учиха не получите помилования, пока этот список не будет завершен. Коноха не потворствует убийствам". Голос Кохару немного смягчился. "Вопреки тому, что ты думаешь, я не второй Данзо".

Это было именно то, что он подумал. Какаши зажмурил глаза. Попросить его сделать это - одно дело, но как они могли поступить так с Сасукэ? Мальчик только что покинул Тьму, и принуждение его к этому вполне могло отправить его обратно. Он медленно выдохнул. Он не мог этого допустить. Он не мог подвести Сасукэ, как подвел Обито. "Тогда докажи это. Я соглашусь на эту миссию при одном условии".

Кохару напряглась. "Какое?"

"Я хочу сделать это один. Помилуй Сасукэ и позволь ему свободно делать свой выбор". Какаши встретился с ней взглядом, используя всю холодность, на которую был способен. "Я более опытен, а он будет мешать мне".

Еще одна медленная улыбка мелькнула на изрезанных губах Кохару. "Ты более мягкосердечен, чем кажешься, Какаши Хатаке. Хорошо, я приму твое желание защитить своего бывшего ученика. Это задание будет твоим". Она подняла палец. "Ты не должен говорить об этом никому, особенно хокаге".

Цунаде.

Желчь подкатила к желудку Какаши, и он прижал пальцы к больным глазам. Что она подумает, если узнает, на что он согласился? Он медленно вдохнул через рот, чтобы его не стошнило на стол Кохару, хотя она этого заслуживала. Хотела ли Цунаде видеть его с такой кровью на руках? Кровь, пролитая им в прошлом, - это одно, а согласиться сделать это снова - совсем другое дело.

Но он должен был это сделать, ради Сасукэ.

Какаши опустил руку и тупо уставился на свои бледные пальцы. Сколько времени пройдет, прежде чем они снова будут в крови? Хуже того, он знал, что не может рассказать Цунаде о том, что собирается сделать. Он бы не выдержал, если бы она увидела его таким, какой он есть: убийцей. Он терпел от своих друзей и коллег, и даже врагов, когда Рин умерла, и он присоединился к Анбу. Но не Цунаде.

Кроме того, с окончанием войны у нее и так было достаточно забот. Будет лучше, если она ничего не узнает.

Какаши встретился с расчетливым взглядом Кохару, и его сердце болезненно сжалось. "Согласен."

Изнурительный. Цунаде поднималась по лестнице в свой кабинет, глухо цокая каблуками по деревянным ступеням. Это было единственное слово, которым можно описать прошедшие семьдесят два часа. Держать всех вместе - держать себя в руках - после всех разрушений, всех смертей, полностью истощило ее силы. И хотя она наконец осталась одна, она сомневалась, что у нее хватит сил выплакать непролитые слезы.

И все же она вернулась в свой кабинет после того, как все вернулись домой с похорон. Цунаде открыла дверь и, устало потирая глаза, направилась к своему столу. Но ей было невыносимо находиться в своем темном, пустом доме. Не сейчас.

Не сейчас, когда память обо всем, что она потеряла, еще свежа в ее сознании.

Не после Цукуёми.

Цунаде тяжело села в кресло и отложила в сторону свою еще влажную шляпу хокаге, но не смогла сосредоточиться на кипе бумаг перед собой. Она застонала. Нет. Она не хотела вспоминать. Но воспоминания настойчиво бились в ее череп, умоляя вспомнить. Потому что на мгновение, прекрасное, идеальное мгновение, у нее было все.

Наваки сидел за этим самым столом и ухмылялся, когда увидел ее. Он вырос в прекрасного мужчину, и шляпа хокаге покоилась на его светло-каштановых волосах, как будто она всегда там была. Как будто ей там и место.

Орочимару стоял справа от Наваки в позе советника, с нежностью глядя на своего бывшего ученика и не обращая внимания на Джирайю, который пытался всучить товарищу по команде свою новую книгу. Хирузен-сэнсэй сидел в углу, наблюдая за их выходками и ухмыляясь, покуривая свою трубку. Но всегда был готов вставить строгое слово, если потребуется.

Теплая рука скользнула в ее, и Цунаде подняла глаза на улыбающееся лицо Дэна. На его плечах сидел белокурый ребенок и хихикал, играя с длинными серебристо-голубыми волосами отца.

Идеально. Прямо как она всегда хотела...

Стоп.

Цунаде распахнула глаза, широко раскрытые и ничего не видящие. Где... где был Какаши? Во время сна она ни разу не вспомнила о нем. Как будто его никогда не существовало. Ее грудь болезненно сжалась. Разве Цукуёми не показала, чего ты хочешь больше всего? Но... но не было ничего, чего бы она хотела больше, чем Какаши. Все в ее сне было невозможно, и она смирилась с этим. Или так она думала.